

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВА

ДЕВОЧКИ *не* плачут

18+

Оксана Евгеньева

Девочки не плачут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63104722

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92627-1

Аннотация

Каково это – внезапно осознать, что живешь с тираном? Испытать животный ужас от первого удара и ощущения абсолютной зависимости? Что делать, если жизнь превращается в настоящий и беспросветный ад? Конечно, бежать без оглядки! Но что делать, если прошлое постоянно настигает? Как выбраться из этой зависимости? Как научиться доверять?

История о настоящей дружбе и любви, ненависти и предательстве. История о людях, которым не все равно. Остросюжетный роман, который заставит смеяться и плакать. А еще – позвонить вашему дедушке и обязательно поздороваться с вредной соседкой!

Содержание

Часть 1. Алена	4
Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	41
Часть 2. Девочки	45
Глава 5	46
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Оксана Евгеньева

Девочки не плачут

Часть 1. Алена

Глава 1

Мой муж оказался тираном. Неожиданно для меня. Да, так бывает. Я знаю, многие подумают – да как можно было не заметить? Куда смотрели мои глаза? Надо было раньше думать, а не рыдать теперь, сидя на теплом полу в ванной. Да. Они правы. Надо было раньше. Но как?

Мы познакомились на работе. Он начальник отдела, я – обычный штатный сотрудник. Он с первых минут очаровал меня, вызвал только самые положительные эмоции. Рубаха-парень. Обходительный, веселый. Красавец. Высокий, стройный, голубые глаза, длинные ресницы. С него можно было писать картины, на него хотелось смотреть бесконечно. Он захватывал чужое внимание и распоряжался им как фокусник – жонглировал, вытаскивал из рукава и шляпы сюрпризы, улыбаясь и вызывая безудержное хлопанье ресниц у девушек.

Я тоже смотрела на него, открыв рот. Никаких вопросов

к нему не возникало, никаких подозрений. Сердце выступило: «Идеальный, идеальный, идеальный». Мозг вторил: «Мой, мой, мой».

Он сразу взял меня в оборот, говорил, что понравилась с первой минуты. Он тоже произвел на меня впечатление сразу. Павел ухаживал не просто красиво, а как в лучших фильмах.

Например, он мог снять целый ресторан, заказать скрипача и кружить меня в танце. Или подарить воз цветов, завалить ими подъезд моего дома. Заказать лимузин и возить меня по ночному городу. А мог позвать бегать по крышам, прямо в пижамных штанах, под крики: «Аленка, собирайся, мы выходим, срочно». Или сгонять вместе в выходные в другую страну. Лежать на пляже и пить мохито. Да, с деньгами у него был полный порядок. Паша хорошо зарабатывал. Никогда не жалел ничего и был очень надежным.

Он осыпал подарками, вниманием и заботой... Сразу же очаровал друзей и родителей.

Родителям он помог с ремонтом. Сам клеил обои, сам таскал мебель. При том, что мог бы просто нанять помощников или отмахнуться от проблем чужих людей, как от назойливых мух. Но нет – он с папой обмерял рулеткой квартиру, маме делал комплименты и носил конфеты. Родители были очарованы.

Все были от него без ума. А я... Я поняла, что вот она – любовь всей моей жизни. Мое счастье. Мой лотерейный

билет. Он был ласковым, мой Паша. Он был невероятным любовником, чувствующим каждую клеточку моего тела, он касался каждого изгиба, как мне казалось, душой.

Бабочки в животе уносили меня от реальности все дальше и дальше. Я любила его всем сердцем, всей душой. И не было чувства прекраснее.

Единственным черным пятном в наших отношениях была его мама. Я явно ей не нравилась. Она, не скрываясь, кривилась, когда видела меня рядом со своим сыном. Но жила она далеко, в другом городе. Поэтому я считала, что это неважно. Подумаешь, мама. Таких историй – когда свекровь не принимает невестку – пучок и две тележки. Меня нисколько не смущало трагическое выражение ее лица, обращенное в мою сторону, и абсолютное пренебрежение во всем. Она даже по имени меня не называла, только «эта». Мне было все равно – Павлик был моей поддержкой, он призывал не обращать внимание. Говорил, что мама просто ревнует, пройдет время и она примет его выбор. Я верила ему, поэтому уже через шесть месяцев после знакомства мы с Павлом поженились.

Я была самая красивая невеста в платье моей мечты. С улыбкой от уха до уха и глазами, полными любви и надежды. Клише, да. Но именно так и было. Друзья, подруги, родители – все радовались моему счастью. А я хотела, чтобы время замерло, замедлилось. Чтобы можно было наслаждаться каждой секундой каждой каплей моей жизни. Я была героиней сказки, в которую поверила.

С этого началась наша семья. Первые месяцы – как в раю. Бесконечное наслаждение. Никакой притирки, минимум бытовухи. Эдем.

Мы не предохранялись с самой свадьбы, потому что были готовы к детям, оба хотели их. Но ничего не получалось. Каждый новый тест на беременность – сплошное разочарование и мои слезы. Павел поддерживал, оберегал мои чувства, а позже настоял на том, чтобы я ушла с работы и занялась своим здоровьем. Я не сильно возражала, потому что очень хотела стать мамой. Меня не пугала роль домашней хозяйки. Наоборот, я с радостью ее приняла. Отработала последние недели и осела дома. Бегала по врачам, сдавала анализы и обустроивала наше семейное гнездышко.

«Какой же он у тебя классный», – говорили подружки. Мне реально завидовали. Да что там, я сама себе завидовала и радовалась, что мой муж – настоящий мужчина. «За ним как за каменной стеной», – думала я. Только вот забыла, что в тюрьме тоже каменные стены.

Он говорил мне:

– Милая, ты мало ешь. Слишком худая.

И носил торты и пирожные коробками. Мы по вечерам пили чай и наслаждались их вкусом и жизнью.

– Я же буду толстушкой, – смеялась я.

А он отвечал:

– Моей толстушкой. Я не хочу, чтобы на тебя смотрели. Так что ешь, давай, дорогая.

И смеялся. А я смеялась вместе с ним. И ела, ела, ела. Я не думала ни о каких подвохах, была как на ладони перед ним. Знаю, сейчас многие скривятся: «А чего ты хотела, дурочка? На все готовое с мужиком-красавцем. Да ты сама во всем виновата».

Не буду спорить. Я и правда сама.

Где еще можно найти более понимающего мужчину? Да только в сказке. И то, не в каждой. Мой принц был самым лучшим и нежным мужчиной на свете.

Я тоже старалась ради него. Жена должна быть хорошей кухаркой? Я училась готовить. Убирала. И ни в чем ему не отказывала. Богиня в постели – пожалуйста. Я старалась по всем направлениям и никогда не отличалась консерватизмом в проявлениях любви. Я видела, что Павел это ценит. Он любил разнообразие и игры. Поэтому наш шкаф был полон разных игрушек и одежды.

Только вот детей у нас не было. Как ни старались.

***

Через шесть месяцев после свадьбы к нам приехала его мама. И это было самое суровое испытание для меня. Она была невыносима. Мне казалось, что ее задача – довести меня до психушки своим недовольством. Но я знала, что скоро она соберет свои вещи и уберется из нашей жизни. Поэтому терпела все ее придирки, все издевательства ради му-

жа. Он к маме относился не просто с сыновней любовью, а с каким-то непонятным почитанием – разве что руки ей не целовал постоянно.

Естественно, я не решалась сказать ему и слова поперек о его матери, хоть это было сложно. Она докапывалась до меня по любому поводу. Ей не нравилось абсолютно все: как я готовлю, как заправляю кровать, как крашусь. Она постоянно вмешивала Павла, рассказывала ему, как он ошибся с женой. А я терпела. Ради него. Терпела. И молчала. Он лишь пожимал плечами. Вот тогда мне надо было задуматься. Что муж ведет себя странно. Не защищает меня.

«Павел, что ты за барышню выбрал? Она ведь ничего не умеет. В быту ничтожество, внешне – тоже глянуть не на что. Так еще и родить не может. Павел, эта женщина бракованная. Она живет на твои деньги, сидит на твоей шее, а толку от нее нет никакого. Она ведь и не родит тебе никогда».

Свекровь находила все новые и новые слова, чтобы зацепить меня сильнее. Я считала дни до ее отъезда, минуты отсчитывала, лишь бы больше не слышать ее противного голоса. Я знала, что когда она уедет, все наладится. Мы с Павлом перевернем эту страницу и будем жить как раньше – в любви и согласии. Но я ошиблась.

Свекровь уехала и забрала с собой моего Пашу. Моего славного мужа, от которого я была без ума.

...Со мной осталось чудовище, а жизнь из сказки превратилась в ужас.

Началось все с мелких придирок. Вроде бы незаметных поначалу. То приготовила не то, то ответила не так, как надо. Пыльно или «что-то грязно у нас сегодня», «что с твоими волосами, любимая? Выглядишь неважно».

И я начала сомневаться. Я извинялась за недосоленную еду, за грязный пол, который я только что помыла. За суп, который с курицей, а не с мясом. За волосы, которые сегодня не так лежат. Я начала смотреть на себя по-другому. Чувствовала, что превращаюсь из жены в нерадивого ребенка, который вечно косячит, все делает не так.

Я не понимала, что Павел ведет свою игру. Я верила ему и чувствовала свою вину. Постоянно. Даже за то, что не могу забеременеть. На этот мой проступок он указывал часто, рассказывая про своих знакомых и их жен. Он постоянно мне про кого-то рассказывал, кто гораздо лучше меня. Кто может родить.

Поначалу я старалась все как-то исправить.

Мою плохо посуду? Пожалуйста – перемываю. Вещи не на местах? Я все делаю так, как он скажет, – перекладываю одежду с полки на полку, переглаживаю рубашки, крахмалю полотенца. Нет, не безропотно. Поначалу пытаюсь ему объяснить. Оправдаться. Но это только подзадоривает его. Он только распаляется и ищет недостатки еще тщательнее. Во

всем. Их тьма. Он находит кучу проблем и обязательно задевает за больное. Я не могу ему родить. Я понимаю – лучше молчать. Для меня лучше. И я молчу.

Он бывает нежным. Бывает хорошим. Он ласкает меня. И это примиряет с действительностью. В такие минуты я еще больше ищу причины в себе. Я убеждаюсь в своей неполноценности, глупости, идиотстве. Я действительно неважная хозяйка. Он ведь прав – и мясо недосолила, и суп жидковат, и родить ему не могу.

Так мы живем еще около полугода. Я учусь терпеть его придирки безропотно. А он становится еще более привередливым.

***

Однажды нас приглашают в гости. Это очень радостное событие для меня. Потому что после свадьбы я совсем перестала общаться со своими подругами. Все время была при муже. И как-то незаметно растеряла почти всех. Поначалу мы встречались, перезванивались. А потом я все время была занята семьей, мужем. Он не любил, когда к нам приходят гости, не терпел мой треп по телефону. Поэтому и звонки, и встречи постепенно сошли на нет.

Павел говорил:

– Ну разве это подруги? Они же должны понять, что у тебя муж, семья. Тебе некогда. Какие могут быть обиды? Они

просто завидуют. Вот и не общаются с тобой, не могут вынести твоего счастья.

И я с ним соглашалась. И правда, ведь дружба – это когда тебя понимают. Павел меня понимал. А они все чего-то требовали. Встреч, разговоров. А мне было некогда. Я была занята семьей.

***

Когда нас пригласили в гости, я была счастлива. Подумала, что наконец-то смогу развеяться. Перевести дух. Быт поглотил меня с головой, и я стала рабой кухни и швабры. Хотелось вдохнуть воздуха, покутить, посидеть в ресторане, потанцевать. Почувствовать себя красивой. Взгляды ловить мужские, женские. Смеяться.

Я выбирала платье, обновила косметику, накрасилась, накрутила кудри. Как он любит – красивой волной. Достала шпильки из коробки. Но пришел муж с работы и сказал мне резко:

– Ты никуда не идешь.

– В смысле? – я, правда, думала, что он шутит.

Но он продолжил:

– В прямом. Ты никуда не идешь. Посмотри на себя. Ты же жирная. Тебе будет стыдно.

Я посмотрела на себя в зеркало и увидела все свои уродские складки. Платье показалось ужасным, ноги – бочкооб-

разными, отеками. Мне стало противно. Я в надежде взглянула на мужа и спросила с отчаянием:

– А ты пойдешь?

– Ну конечно. Я не могу не пойти. Димка же мой начальник. А ты дома сиди. Нечего позориться. Вот приведешь себя в порядок, тогда и сходим. Обещаю. Обязательно сходим, но не сегодня.

Он говорил еще какие-то слова. Трепал меня за щеку. А я смотрела на себя в зеркало и хотелось выть. На меня смотрела не женщина, а толстая, неухоженная туша. Бесформенное тело, ноги, заплывшие жиром. Мне было 24 года. А выглядела я как тетка. Даже с прической, в платье, на каблуках я была безобразной. Тогда я подумала, что муж опять прав. Павел во всем прав. И я не захотела позориться и его позорить. Я осталась дома.

***

Мне бы уже тогда забить в набат. Или хотя бы сесть и подумать о том, что происходит с моей жизнью. Куда я качусь и зачем? Почему так слушаю и слушаюсь мужа?

Но я действительно считала, что он прав. И подтверждение его словам я находила каждый день. В зеркале. Я и правда поправилась.

Теперь я не просто была плохой хозяйкой. Я была еще и уродиной. Толстухой. Он щипал меня за попу, шлепал по

ляжкам и комментировал свои действия. Он говорил мне, что я разъелась, как туша, что похожа на корову. Вроде с улыбкой говорил, но гадко. А я терпела. Пыталась худеть. В целом-то мой вес не был критичным. Я набрала не больше десяти килограмм. Но в попытках их сбросить я загоняла себя еще больше. Морально я была в ловушке.

А Паша, как ни в чем не бывало, таскал домой торты, пирожные. Я готовила много. Очень много для двоих. Он любил все свежее. Вчерашнее никогда не ел. Но к еде относился экономно. И почему-то я решила, что обязана все доедать. И ведь доедала! Как свинья из кадки, ела все, что оставалось в холодильнике, пока мой муж с улыбкой ел свежеприготовленные блюда. Он говорил: «Ты что, хочешь все выбросить? Нет-нет, мне так тяжело достаются деньги. Я работаю сутками не для того, чтобы мы выбрасывали еду». И я опять слушала его и думала, что муж прав. Он работает, он добытчик, а я сижу дома, я ничего не зарабатываю, только ем.

Где-то в глубине души была обида на него. Все равно я понимала, что то, что стало с нашими отношениями, – неправильно. Я винила в этом себя и то, что не могу родить. Думала, что Павел именно от этого такой стал. Просто не выдерживает ожидания. Мне хотелось с кем-то поделиться своими чувствами. Я любила мужа и очень не любила себя. Но все, что я слышала от родни и оставшихся подруг, совсем меня не поддерживало. «Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Конечно, запустила себя. Ты ведь размера на два ста-

ла больше. И почему женщины, как только выходят замуж, превращаются в клуш? Муж красавец, а ты?» или «Не пьет, не бьет – радуйся».

Подруги подтверждали слова Павла. Да, дело только во мне, а он идеальный. И мне надо на него молиться, а не жаловаться всем подряд.

Я настраивала себя на бесконечную радость. Ведь мне и правда очень повезло. Сажу дома. Муж содержит, балует. Да, критикует. Но ведь не смертельно?

Я продолжала бегать по врачам. Естественно тем, к которым меня направлял Павел. По знакомствам. У него было очень много знакомых везде, в отличие от меня. Меня исследовали и так, и так, назначали все новые и новые лекарства. И я безропотно их пила. Назначали анализы – и я их сдавала. Без промедления. Охота за ребенком была в самом разгаре, мне казалось, что как только я его получу, ребенка, моя жизнь сразу наладится. Павел опять будет меня любить.

Я решила проявить самостоятельность и нашла какое-то светило медицины, от которого все уходило с беременными животами. Я ничего не сказала мужу, знала, что он будет против. Он вообще в медицину «с улицы» не верил. Только по протекции. Но я рискнула и записалась к новому врачу.

Он меня осмотрел, почитал заключения и назначил УЗИ и анализы.

А потом огорошил: как я могу забеременеть, если пью противозачаточные?

Я даже засмеялась ему в лицо от неожиданности и подумала о том, как же прав мой муж. Кругом одни шарлатаны.

Тогда врач показал мне анализы и сказал, что моя репродуктивная функция подавлена. Спросил удивленно, какие таблетки я пью. Я назвала ему препараты. И он опять удивился – противозачаточных лекарств в списке не было.

Врач пожал плечами и порекомендовал поговорить с мужем, сверить упаковки лекарственных препаратов и их описание. Уточнил, что противозачаточные пьются в одно и то же время без пропусков. Циклом. Раньше надо было делать перерыв семь дней, чтобы начались месячные, а сейчас есть формы с таблетками-пустышками.

Я не поверила ему. Но засомневалась. А вдруг, и правда, мне что-то такое прописали, напутали? Хотя я сама покупала лекарства в аптеке.

Павлу я ничего не сказала. Впервые в жизни у меня появился от него секрет.

Дома я еще раз проверила все таблетки, но это не принесло никакого результата. Я пила витамины и добавки – никаких гормональных средств.

***

Не сразу, но я задумалась о наших вечерних чаепитиях с мужем. Несмотря на мои попытки худеть, он настаивал на этой семейной традиции. А я не сопротивлялась. Мы пили

чай и разговаривали. Он ел пирожные, я в последние месяцы не ела ничего, чтобы похудеть. Всегда примерно в одно и то же время.

Я решила, что попробую отказаться. Или буду пить не чай, а воду. Честно говоря, меня обуял страх. Вдруг муж и правда подсыпает мне таблетки? Но зачем?

Тем вечером я отказалась пить чай, потому что у меня вроде как заболел живот. Павел принес мне воду и горсть таблеток, чтобы мне стало легче. Но я не стала все это пить. Воду вылила в цветок, таблетки спрятала в сумку. Муж даже не догадывался, что я могу послушаться. Что могу подозревать его.

Остаток месяца я выливала чай в раковину. Я делала все, чтобы никакая жидкость или еда не попадали в мой рот из рук моего мужа. Это был отчаянный эксперимент. Но я на него решилась. И действовала спокойно, с улыбкой.

***

Через несколько дней после отмены чая у меня началась мазня. Я читала в интернете, что это показатель отмены гормонов. Вот тогда меня и прошиб пот. Я поняла, что мой муж накачивал меня таблетками, чтобы я не забеременела. И отправлял к своим врачам, чтобы правда не вскрылась. А я дура, во всем винила себя. Я превратилась в жертву обстоятельств, которая была виновата в том, что не может родить.

Этим же вечером я сказала Павлу, что жду ребенка. Я осознанно пошла на обман, чтобы вывести его на чистую воду. Я знала – если расскажу про поход к врачу или про то, что я уже неделю не пью никаких чаев, то мы будем разбираться не в том, что он меня травит. А в том, что я ему не доверяю. Павел был мастером таких перевертышей. Поэтому я решила соврать о беременности.

***

Естественно, он мне не поверил. Записал к врачу, купил тесты. И облегченно широко улыбнулся:

– Милая, врачи меня предупредили, что с твоими проблемами задержки могут быть. Не переживай, в следующий раз у нас обязательно получится.

Он был очень нежен и ласков. А я впервые задала ему вопрос в лоб:

– Паш, а ты правда хочешь ребенка?

– Конечно, – ответил он и поцеловал меня. – Я буду самым счастливым отцом на свете.

Этой ночью он был нежен как раньше. Он целовал каждую клеточку моего толстого тела, он ласкал меня, а я думала о том, что все равно рожу. Могла ли я тогда соображать, что делаю и зачем? Нет. Я давно уже не могла думать мозгом. Чем я думала – не знаю.

В этом месяце у меня была задержка. Тест, купленный

Павлом, показал две полоски. Потом было еще три теста и поход к врачу. Да, я наконец-то была беременна.

От счастья мне хотелось плакать, но не тут-то было. Павел просто сошел с ума.

После похода к врачу и подтверждения диагноза он изменился в лице. Таким я его еще не видела никогда. Он начал кричать прямо с порога.

Был жуткий скандал. Он орал, что не готов. Что ему не нужен ребенок. Он хочет, чтобы я любила только его. Что сейчас не время для пеленок, распашонок и детского говна. Он так и сказал – «говна».

Я тогда так разозлилась, что стала орать в ответ. Меня подбрасывало от эмоций. Это же... ребенок, которого мы так хотели, ради которого я уволилась и прошла лечение, ради которого сидела в этой коробке из четырех стен и только и делала, что готовила, готовила и ублажала все его запросы. Тогда я и выпалила ему про поход к другому врачу. Про анализы. И про то, что перестала пить чай.

Он побагровел, лицо его перекошилось от гнева. Он подбежал ко мне, со всей дури ударил по щеке, а потом схватил за шею и приложил об стену.

В моей голове все спуталось от боли, посыпавшихся искр и недоумения. Я не ожидала его такой реакции.

А что я, собственно, ожидала?

Он тихо прошипел:

– Дура, ты полная дура.

Я лежала на ковре в комнате и плакала, он пнул меня носком своего тапка под задницу. Не больно, но очень обидно и унизительно. На лбу образовалась шишка, щека горела.

Он наклонился к моему лицу и спокойно сказал:

– Остынь, дорогая. Я запишу тебя к врачу.

Я слышала, как захлопнулась за ним входная дверь.

Что должна была сделать любая нормальная женщина в моей ситуации? Побежать собирать вещи? В полицию? А что сделала я?

Пошла мыть посуду.

Я мыла тарелки буквально своими слезами. Они смешивались с водой и застилали глаза. Я всхлипывала. А щека горела, пылала. Я чувствовала отпечаток каждого пальца на щеке. На лбу пульсировала шишка. А я мыла посуду.

Спустя час Павел спокойно зашел на кухню. В его руках были цветы и коробка с какой-то побрякушкой.

Он рухнул на колени и обнял мой живот. И начал целовать, целовать, целовать. И плакать. Впервые в жизни я видела, как плачет мой муж. Он рыдал, я выла вместе с ним.

– Прости меня, прости меня. Я не знаю, что на меня нашло, – говорил он. – Малыш, у меня проблемы на работе. Я сам не свой, у меня такие проблемы. Да, я подсыпал тебе противозачаточные. Я должен объяснить. Я просто боялся. В моей семье есть редкое генетическое заболевание. И я боюсь, боюсь, что оно будет у нашего ребенка. Я не готов пока рисковать. Надо было раньше тебе сказать, но я так боялся,

что ты меня бросишь, что не смиришься. Поэтому я отправил тебя к своим врачам. Я и сам лечусь. Я надеюсь, что мы сможем все преодолеть и родить здорового малыша. Но не сейчас.

– Я хочу его, Паш. Паш, я хочу его, – я захныкала.

Он встал с колен, посмотрел мне в глаза и спокойно и яростно сказал:

– Ты сделаешь так, как я сказал. И точка. Мы не можем так рисковать. Не сейчас, когда все и так повисло на волоске. Ты пойдешь на аборт.

Я завывала, а он достал из коробки какую-то цепочку и повесил мне на шею.

Глава 2

Что делать, если ты живешь с тираном? Уходить – это говорят все. От психологов до друзей. Есть, конечно, сумасшедшие, которые призывают бороться за любовь и за тирана, потому что его поведение – это признак глубокой травмы. Ну, вроде как родители виноваты, недолюбили в детстве, вот и отрабатывает несчастный ребенок свои проблемы на других чужих детях. Я много таких советов встретила. «Муж дан один раз и на всю жизнь. И задача жены – спасти эту заблудшую душу. Бороться».

Только, скажу я вам, бороться бесполезно. Спасать там некого. Нет человека внутри тирана. Только грязь. Болото, которое обволакивает, засасывает с каждым днем сильнее, забирая все силы и решительность. Говорят, жертвами тиранов становятся неблагополучные. Женщины, у которых был печальный опыт мамы перед глазами. Для которых такое поведение – норма, а не что-то невообразимое.

Да, семья у меня своеобразная. Мать всегда интересовалась только своей личной жизнью. Отец тоже устраивал свою без стеснения. Поэтому родители скандалили часто. Они занимались своей жизнью и частенько забывали обо мне. Я была послушным ребенком, тихим и спокойным. Хорошо училась, чтобы не вызывать гнев, чтобы они мной гордились. Но к моим успехам они относились равнодушно, им было все

равно. А огорчать их я боялась. Нет, они определенно меня любили. Меня никогда не били, не обижали, я не могу сказать, что мне было плохо. Просто иногда я чувствовала, что мешаю им. Что я им совсем не нужна.

Я всегда думала, что в моей семье все будет иначе. Что это будет какая-то волшебная сказка, где все друг друга любят. Где нет грязи и измен, где дети желанны. Где женщина – это хранительница очага, а мужчина – добытчик. Ведь так и было поначалу...

Когда-то у меня была работа, деньги, увлечения, друзья, стремления. Потом появился Павел, и вся моя жизнь растворилась, исчезла, прошла сквозь пальцы. Потому что он стал центром моей вселенной, он поглотил меня целиком. А потом от меня осталась оболочка, внутри которой плескалось бескрайнее Пашино болото. Яд его любви.

Говорят, надо уходить немедленно. Все верно.

Уходить. Только куда? Бежать? Скрываться? Раствориться? С мыслями, что ты «никчемное чудовище» и ты больше никому не понадобишься? Страх – вот что испытывает жертва тирании. И не только страх от пребывания с тираном, но и от того, что когда-нибудь это пребывание может закончиться. И ты вылетишь на обочину жизни, вся такая поломанная и пустая. Отравленная.

***

Моя беременность закончилась сама. Мне даже не нужно было никуда идти. Не пришлось испытывать муки совести. Утром после скандала у меня открылось кровотечение. Уже в больнице мне сказали, что спасать некого. Вот тогда я и ощутила всю звенящую пустоту внутри. Последняя капля надежды покинула мое тело.

Я чувствовала и горе, но и облегчение. Потому что поняла: детей от Павлика у меня не будет. Никогда.

Паша расслабился, когда я вышла из больницы. Он обнял меня. Бормотал что-то очень оптимистичное, что-то очень душевное про то, что у нас обязательно будут дети. Что все будет хорошо. Я не слушала его. Пустота звенела внутри меня. В голове крутилась только одна мысль: «бежать». Надо скорее бежать от него.

Он отвез меня домой и пошел на работу. Я собрала вещи – все, что было дорого моему сердцу – и отправилась к родителям.

***

Я не стала посвящать их в наши семейные драмы. Я боялась их огорчить, расстроить. Хотя, возможно, стоило ска-

зать правду. Я часто об этом думаю. Что бы они сделали, если узнали, что Паша меня ударил?

Но я просто вернулась к родителям со своими вещами и не увидела особой радости в их глазах. Но в квартиру они меня все-таки впустили. У нас давно не было той самой тонкой душевной связи, поэтому и теплого разговора не вышло. Мама лишь вздыхала, пока я разбирала свой чемодан. А потом мама побежала звонить Павлу, чтобы рассказать про возвращение блудной дочери с вещами. Не знаю, что ей ответил Паша, но мама успокоилась и заулыбалась. Уже вечером муж приехал за мной с цветами и красивой бархатной коробочкой с колечком.

Он был так убедителен, клялся, божился. Стоял на коленях и даже плакал. Он говорил о том, что сам не знает, что на него нашло, что у него сложный период, что наши неудачные попытки забеременеть его выбили из седла, и он смирился. А потом пошел обследоваться. Он подробно описал, чего ему это стоило. Так он и узнал о том, что у него возможны сложные генетические мутации в роду. Он испугался, очень испугался. Поэтому когда узнал о моей беременности, просто с ума сошел от страха. А когда понял, что я его обманула, у него слетели последние предохранители. Он не помнит, как ударил меня. Говорит, все было как в тумане. Аффект. Короче, я опять была виновата. Не оценила его усилий и стараний. Он был так убедителен, так нежен, что я сдалась. Не могу сказать, что поверила ему. Но мне так захотелось пове-

ритель, что я решила дать шанс нашим отношениям.

Когда родители провожали нас, они намекнули, что не стоит их вмешивать в семейные разборки, и вообще, с мужем мне очень повезло. Такого бы каждому. И если в следующий раз я приеду к ним с чемоданами, они просто не откроют мне дверь. Это была шутка, конечно. Шутка. Я до сих пор не могу переварить ее в своей голове.

***

Мы вернулись домой, и два месяца я опять жила, как в раю. Скажу честно, я поверила ему, успокоилась. Он опять был нежен, ласков. Он боготворил меня. Мы стали ходить по ресторанам, несколько раз встречались с друзьями. Я почувствовала, что воздух возвращается в мою грудь. Я поверила в то, что он понял, как был не прав. Вернулся мой хороший Пашка. Тот, от которого я была без ума, тот, который делал меня счастливой. Я поплыла на катере любви, плавно покачиваясь на волнах.

Правда, чтобы обезопаситься от шторма, я решила, взять себя в руки. Перестала есть сладкое, еду тихонько выбрасывала в мусор, делала упражнения, стала рассылать резюме в поисках работы. Я быстро пришла в форму и привела себя в порядок. Паша меня подбадривал и радовался моим успехам. Но когда я сказала Паше, что иду на собеседование, он устроил скандал.

Он орал как сумасшедший. Что это унижительно. Что он должен работать, а жена – дома сидеть и следить за хозяйством. Я пыталась отстаивать свою позицию, вызывая все больше и больше агрессии. Он начал меня швырять по комнате, выламывать руки и рассказывать о том, какая я неблагодарная. Что он изо всех сил старается ради меня, что он делает все, что я только захочу. Что я не ценю его усилий. Он был опять в том самом состоянии. Я сама не помню, как удалось вырваться и выскочить из квартиры. Босиком. Павел за мной не кинулся. Ему требовалось сначала хотя бы надеть штаны. О, будь благословенна привычка многих мужчин ходить по дому в белье.

***

Идти было некуда. Полное бессилие. Меня встретила соседка с первого этажа. Тетя Люся. Она была главной во дворе, следила за порядком и выращивала чудесные розы на небольшом участке у подъезда. Гоняла малолеток с сигаретами, орала на автолюбителей, паркующихся у окон, мазала лавку мазутом, чтобы летом молодежь не орала под ее окнами песни. Короче, была дворовым тираном, и я ее немного побаивалась, но и уважала за принципиальность.

Тетя Люся посмотрела на меня и хмыкнула:

– Муж выгнал?

А я расплакалась. Такая жалость навалилась от мысли, что

я не человек, а ничтожество. Никчемная дура. И смотрят на меня все, как на дуру. Которую можно вот так вот взять и выкинуть из дома босиком.

– Ладно, ладно, – похлопала она меня по плечу. – Нечего реветь. Рассказывай. Разберемся.

Она открыла дверь и пригласила меня в свою квартиру. Я пошла. И рассказала ей все. Сама не знаю почему – то ли акт отчаяния, то ли я почувствовала, что если продолжу держать все в себе, то не выдержу. Просто не справлюсь.

Я рассказала ей вообще все – от самого начала до сегодняшнего дня. Тетя Люся слушала внимательно, периодически хмыкала или вздыхала. Когда я закончила свой рассказ, она резюмировала:

– Да уж. Ничего не изменится. Только хуже будет. Ты будешь рыдать, он тебя – мутузить. И так по кругу. Он ведь уважаемый человек? Не забулдыга? Не алкаш? Он всегда будет чистеньким. А ты – дурой. Знаешь почему? Потому что так и есть. Это твой собственный выбор. Он уважаемый человек, а ты, дура, его тень. Ты никто.

Я зарыдала еще сильнее:

– Так и есть. Никто. Но я же не специально, я же от любви, он сам так хотел. Что мне делать теперь? Что?

– Бежать, дурная. Лучше не будет. Ты на что вообще надеешься? Давай еще ему ребенка роди для полного набора. Гирю, так сказать, к ноге привяжи себе. А лучше двух сразу. И тогда он будет мутузить вас скопом. Или еще лучше – тебя

мутузить и детей настраивать на такое же отношение.

– Мне некуда бежать. Родители мне не рады, они будут выпускать Павла по первому звонку и выносить мне мозг, как я не ценю великолепного мужчину. Друзей, способных меня принять, у меня нет. Это все Пашины друзья. Денег тоже нет. Все средства у него, я лишь веду хозяйство, да за каждую копейку отчитываюсь. Подарки и одежду он сам мне покупает. Когда-то мне это казалось невероятным проявлением заботы и любви. А сейчас я понимаю, что он все у меня забрал. Вернее, я все ему отдала, даже возможность выбирать.

– Некуда бежать? – хмыкнула тетя Люся. – Тогда или рой могилу, или принимай бой.

– В смысле?

– У тебя какие варианты? Бежать. Терпеть. Бороться. Он ведь хоть и говно, но человек. Я имею в виду не бессмертный. Со слабостями. Ищи их, рой носом. Борись. И беги. Я помогу, чем смогу. Но сильно не рассчитывай. Старая я. И мужа твоего тоже боюсь. Он властный тип, вон на какой машине его возят. Знаешь, был в моей жизни один мужик гнусный. Все ходил за мной. Подкараулил как-то меня после работы. Да попытался наброситься. Он сильный. А я маленькая, слабенькая, он на три головы выше. Не знаю, что тогда на меня нашло. Но я кинулась на него, как больная, бешенная. И отмудохала так, что его лицо стало похоже на пельмень. Пьяный он, конечно, был. Повезло мне очень. Но я тогда крепко ему надавала. Не знаю, как не убила. И ты

знаешь, он больше за мной не ходил. Тогда я поняла одну золотую истину: ты или быстро бежишь, или принимаешь бой. Но непременно действуешь. А не сидишь и ждешь, пока из тебя котлету сделают или отбивную и достоинства лишат. Думай, детка, думай. Ты же не котлета?

– Уже почти, – вздохнула я. Но ее слова попали прямо в душу и в голову. И стали прорастать. Пускать стебли, ветвиться у меня в голове.

Она поила меня чаем и успокаивала. А я думала о том, что буду сражаться.

Глава 3

Можно ли любить чудовище? Ну конечно. Я любила своего мужа. Хотя, скорее, это была не любовь, а какая-то зависимость. Ведь любила не того, кто меня тиранил. А того, каким он был когда-то. Даже когда он открыл свое настоящее лицо, я вспоминала его прошлого. И оплакивала своего героя. Я помнила каждую минуту своего бывшего счастья и понимала, что проблема еще и в том, что я по-прежнему надеюсь. Верю, что все наладится и вернется мой прежний любимый Паша. Что это временные трудности. Или я сама виновата, вот он и психует. Не бывает ведь идеальных людей. И я не идеальна. Я порой ловила себя именно на таких мыслях. Он же может быть нормальным! Идеальным!

И это был самообман. Самый жестокий из всех возможных.

Разговор с соседкой меня взбодрил. Во-первых, она единственная, кто мне поверил. А во-вторых, я понимала, что она права. Эти качели будут постоянными. Только плохого постепенно станет гораздо больше, чем хорошего. И в конце концов муж меня убьет. Совершит то, что невозможно будет исправить. И мне необходимо начать с того, чтобы признать: муж – чудовище. И он никогда не был принцем. Это я его таким выдумала, поверила. И отдала все ключи от собственной жизни. Бери, рушь, делай что хочешь. Он и делал, что

хотел. Не принц. Монстр.

Знаете, в чем наша проблема? Женщин? Мы слишком терпеливы. Нас с детства учат терпеть и прощать. А еще заботиться о других. Иногда вопреки своим интересам. Природная материнская жертвенность, мать ее. Терпеть, прощать и надеяться на лучшее. А иногда надо просто уйти. Сразу. Как только чувствуешь этот внутренний дискомфорт – отстаивать свои позиции, бороться за каждый сантиметр своего я.

Но нам хочется отдавать себя без остатка. И надеяться, что все впрок. И будет отдача. Или пусть ее не будет, но нашему любимому человеку станет хорошо. Даже если нам в это время плохо. Все ведь во благо.

Я вышла от соседки с пустой головой и села возле подъезда. Босиком. Мне не хотелось идти к родителям. Я знала, чем кончится этот побег. Они отправят меня обратно. Удивительно, как быстро он завоевал их внимание и доверие. А может, им просто не хотелось вникать в проблемы дочери? Я думала и об этом.

Паша, видимо, увидел меня в окно.

Он спустился и отвел меня домой. Пытался даже на руки подхватить. Но я просто пошлепала босыми пятками за ним.

Это был чертов мир между нами. Он был нежен и учтив. А я слишком измотана, чтобы начинать бой сначала. Да и смысл начинать, если я точно проиграю? Я просто сжала зубы и терпела, пока он покрывал мое тело поцелуями, без-

молвно плакала. А потом уснула.

Утром он ушел на работу, а я нашла телефон службы поддержки женщин, подвергающихся тирании от близких людей. И позвонила. Иногда надо посмотреть правде в глаза.

Минут 30 меня всячески мотивировали на жизнь. Говорили абсолютно правильные вещи. Но когда внутри дырка, эти слова выскакивают, не оставив даже осадка. Я поняла, что если я не найду в себе сил для борьбы, то мне никто не поможет. Ни одна служба поддержки и даже спасения. Разве что отпевание спасет мою душу. И все.

Соседка была права. У моего мужа есть слабые стороны. Если порассуждать – то это его работа, его статус, его лицо. Я знала, что он рвется к власти. Строит карьеру. Но он пока в середине пути. И этот путь очень тернист. Один неверный шаг, скандал – и репутацию сложно будет восстанавливать из пепла. И это мой шанс. Нет, не бежать и не кричать, что он меня бьет. Это редко срабатывает у нас. Через день уже все встанут на его сторону и будут говорить, что я сама мужика довела. Ведь ничего не сделала для того, чтобы он меня не бил.

Я знала, что его любят. Его ценят, ему доверяют. Он свой. В любом коллективе. Для моих друзей и даже родителей. Он – свой больше, чем я. Мне никто не поверит. Моему слову. Никогда. Чудовище в образе принца очаровало всех.

Но ведь это и есть его слабое звено. Его образ идеального во всем. Его репутация. Мне просто надо его подловить. И

собрать компромат. Да такой, чтобы не отвертелся, чтобы все факты налицо. И он испугался бы огласки.

Эти мысли меня взбудрили. Конечно, не свет в конце тоннеля, но маленькое озарение.

Что еще мне нужно? Наверное, самое главное, что я уяснила – нельзя быть жертвой. Как только сложишь лапки – тебя раздавят. Сожрут и не поперхнутся. Сейчас я жертва, и надо срочно с этим что-то делать.

Ночью мне приснился одноклассник. Его обижали. Все пацаны гнобили его в школе. Закрывали в туалете, плевали в него, мутузили, но не больно, а скорее обидно. Вытирали им стены, окунали лицом в унитаз. А он улыбался. Он был таким себе «мальчишкой для битья» по своей воле. И вызывал очень неприятные, противоречивые чувства. Брезгливость. Его не было жалко. Я даже мучилась совестью по этому поводу. Он был противен всем. Теперь я поняла почему. Во сне ко мне пришло озарение. И от этого я проснулась и села в кровати. Рядом спал Павел, а я смотрела на него и крутила в голове внезапную мысль про одноклассника.

Леша никогда не пытался себя защитить. Никогда. У него всегда был выбор – драться и быть избитым, но гордым. Или бежать, жаловаться, действовать. Ведь можно же было хоть что-то делать. А он выбрал просто получать пинки и затрещины, вытирать чужие слюни с лица. И улыбаться. Я была Лешей. Я была этим чертовым мальчишкой для битья. Толстым, бесформенным, испачканным в крем от торта маль-

чиком, которого заставляли есть и смеялись, которого лупили, а он улыбался. Он никогда не пытался себя защитить. И никто его не хотел защищать. Ведь он улыбался, черт побери, во весь рот, хихикал вместе со всеми. И ходил за мальчишками хвостиком, чувствовал себя своим! Сидел за одной партой с главным обидчиком и молча смотрел ему в рот. С обожанием.

От внезапного открытия пот прошиб меня. Страх и отвращение к себе и к тому, что я это допустила. Сотворила с собой такое. Во имя любви не к себе. Этот сон стал отправной точкой. Я больше так не хочу.

***

Итак, я начала действовать. Первым делом я полезла в компьютер. И через пару часов узнала все про небольшие портативные камеры, которые можно установить дома и следить за всем происходящим. Я купила две штуки и прочитала в интернете, как и где лучше их спрятать. Я знала, что Паша не увидит и не найдет их. Он дома отдыхал, а не шарил и выискивал. Он не ждал от меня подлянки. Ведь я жертва с улыбкой на устах. Он потерял бдительность так вовремя для меня.

Вторым моим шагом было полное понимание, что я должна учиться себя защищать. Для этого мне необходимо привести себя в форму. Скорее внутренне, чем внешне. Ну и

позаботиться о средствах защиты. Благо, сейчас есть разные варианты. Мне показалось, что шокер – мой инструмент. Но он стоил дорого. Очень дорого. Поэтому я начала откладывать деньги. Как мелкий воришка – то там сэкономлю, то там обману. Я раньше и представить себе не могла, что буду вести себя, как нерадивое дитя. Паша требовал отчеты обо всех моих тратах. Он просил прикреплять чеки и отчитываться по сдаче. Но он привык к тому, что я всегда честна. И перестал открывать холодильник для сверки. Что-то крупное скопить было сложно, но я все равно умудрилась.

Еще важнее было перестать бояться самого Паши. Именно страх – самый большой враг. Мне понадобилось не так много времени, чтобы осознать, что страх связывает меня по рукам и ногам в то время, когда муж издевается надо мной. Страх мешает защищаться. Боязнь, что я проиграю и сделаю хуже, что муж выйдет из себя и убьет меня. Страх, что у меня ничего не получится. И это был факт, с которым надо было что-то делать. Нельзя даже в мыслях допускать свой проигрыш. Но ведь легко сказать. А сделать – страшно.

Мне надо было почувствовать свою власть. Понять, что я могу хоть что-то сделать против него. Поэтому я пошла в аптеку, купила слабительный сбор для похудения удивительного действия. И приготовила мужу невероятно вкусный чай. Наши вечерние чаепития были в силе. И в этот раз я получала невероятное удовольствие. Еще и пирог испекла с мясом, как он любит. А ночью хихикала, закусывая подушку, когда

он бегал в туалет каждые 15 минут, покрываясь испариной. Он даже подумать не мог, что это моих рук дело. Я разводила ему лекарство от диареи и чувствовала, как ко мне возвращаются силы.

Я ликовала. Потому что ко мне, наконец, пришло осознание – я ведь тоже не промах! Та еще стерва. И пока он ест мою еду – он зависим от меня. Пока он живет со мной, он может получить от меня нож в спину. Он может меня прибить. А могу и я. Вот прямо этим казаном для плова. Пока он спит. По голове. Он в моих руках не меньше, чем я в его. Муж и жена, все поровну.

Понятно, что я не собиралась его убивать. Все эти мысли и манипуляции просто помогли мне осознать, что я тоже опасна. Я не жертва. Пускай мелкая ночная крыса, но с зубами. И я смогу укусить.

Еще один нюанс, который меня заботил – работа. Нет, я не переживала, что не смогу ее найти. После игры с моим самолюбием я готова была на любые предложения. Хотя в загашнике лежал красный диплом.

Я не боялась остаться без денег. Жить на улице. Эти мысли были ничем по сравнению со страхом, что я не смогу устоять. И прощу, вернусь к мужу. Или что он начнет преследовать меня, а может, убьет. Или покалечит. Будет угрожать родителям. Я боялась расправы. Поэтому мне нужны были гарантии. И острые зубы.

Мне нужны были деньги, чтобы бежать и спрятаться. Мне

нужна была работа.

Так я освоила возможности интернета и стала писать статьи для сайтов, оставляла отзывы, бралась за любые предложения. Небольшие деньги, конечно. Но я радовалась и им. И у меня получалось писать, хорошо писать. Просто какой-то талант открылся. Через некоторое время меня завалили заказами, а я брала все и откладывала каждую копейку. Мне приходилось изворачиваться, чтобы успевать следить за домом, готовить еду и работать, чтобы Паша не догадался о переменах в моей жизни, в моем мышлении.

Павел продолжал меня тиранить по бытовым вопросам, но руки не распускал. Я делала вид, что безропотно терплю. На самом деле я его больше не слышала. Не верила ему, не реагировала. Его прекрасный образ померк. Я видела всю фальшь его слов. Видела, насколько он бывает невменяемым. А в моей голове только отсчитывались минуты до побега.

Все-таки он стал замечать, что со мной что-то происходит, что его власть теряет вес. Я наблюдала, как он все проще и проще заводится, теряет равновесие. Кожей чувствовала, что скоро будет кульминация. Развязка.

И я боялась. Но это уже был не животный страх жертвы. А страх убийцы, который боится, что его раскроют раньше времени. Я устала от ожидания. А он на удивление держался. Не трогал меня. Не бил. И в голове нет-нет, а пролетала мысль: вдруг он понял? Вдруг изменился? И это терзало ме-

ня. Сомнения продолжали разъедать мою душу.

Развязка произошла неожиданно. То ли проблемы у него на работе, то ли он просто устал быть относительно хорошим. Все началось с того, что он попросил у меня отчет по тратам. Я всегда записывала все в тетрадку и сохраняла чеки. Но тут он решил разобраться в мелочах и полез в холодильник. Видимо, он все же почувствовал, что не сходятся расходы с отчетами. Мой муж не был дураком, совсем не был.

Я знала – это мой звездный час. Я просто чувствовала, поэтому отпросилась в туалет до отчета и положила в карман шокер. Он был достаточно большой, и я очень боялась, что муж его увидит. Но он смотрел не на карманы. Он был увлечен собой и своим великолепным монологом.

Павел меня отчитывал. Ругал за расточительность. Он оседлал любимую лошадку и бодро на ней объезжал свои владения, когда я перебила его и сказала:

– Паш, заткнись, пожалуйста. Я хочу развестись.

Он опешил от моей дерзости, а я продолжила. Мое сердце стучало и вырывалось из груди:

– Я хочу развестись, потому что больше не люблю тебя. И никогда тебя не любила. Ты мне противен. И, кстати, на твоих трусах дырка.

Он посмотрел на меня прицельно, потом в два шага настиг меня и схватил за горло, а потом ударил по лицу. Раз, раз, потом еще один. Он бил так яростно, что я понимала – мне надо спешить, пока я еще могу двигать руками и думать. Я

судорожно достала шокер из кармана и нажала на кнопку. Потом еще раз, и еще.

Глаза мужа в тот момент я не забуду никогда. Более того, я старательно буду хранить эти воспоминания так долго, сколько смогу. В его глазах было недоумение. А потом паника. Я и правда могла его прикончить. Прямо там.

Производитель обещал паралич или потерю сознания. Мне нужны были именно они.

Жалко, что я не видела, как он приходит в себя. Мне понадобилось не больше трех минут, чтобы взять приготовленные давно вещи, одеться и сбежать по лестнице вниз.

Я давно готовилась к побегу, поэтому время было рассчитано по минутам. Я не испытывала страх. Только трепет и азарт. Не чувствовала боли от его ударов, хотя по лицу текла кровь. Только адреналин и восторг. Я постучала в знакомую дверь и тетя Люся тут же ее открыла.

Глава 4

Этой ночью мы сидели у соседки и обсуждали произошедшее. Я, тётя Люся и ее ухажер – дядя Ваня. Хороший, правильный мужик. Он поддержал нас во всех начинаниях с азартом 65-летнего человека, который повидал многое, включая рак и курсы изнурительной химии. Он справился. Он знал вкус и цену жизни. Поэтому сумел ценить то малое, что мы пренебрежительно тратим каждый день. Он согласился помочь нам, не раздумывая.

Наверняка его мир больше не будет прежним после нашего плана, но он будет знать, что спас меня. Что для меня он – герой.

Я навсегда в долгу перед этими людьми. Не близкие. Не родные. Не родители и не друзья. Мне помогли совершенно чужие люди. Просто потому, что они – Люди. И смогли поверить мне. Этот опыт, пожалуй, самый бесценный. Осознание, что есть те, кому не все равно. И ты не один.

Я затаилась у соседки. А на следующий день, когда увидела, как муж уезжает на работу, вернулась в квартиру. Собрала остатки вещей, все деньги, которые смогла найти, ценности. Я не чувствовала себя плохо. Не чувствовала воровкой. Первый раз за последние годы мне было прекрасно. Очень хорошо. Я была победителем. И забирала свое. То, что пригодится мне на новом месте.

Положила письмо на стол, придавив его флешкой. Взглянула в последний раз на квартиру и без сожаления и печали закрыла за собой дверь.

У меня в кармане лежал билет. В новую жизнь. Конечно, мне было страшно. Очень страшно от того, что будущее неопределенно. Я ехала в никуда. К старой школьной подруге, с которой не общалась очень долгое время и которая решила мне помочь сразу, как только узнала о моей беде.

Паника отступала, как только я представляла себе реакцию Павла на письмо и фотографии, которые его ждут, когда он вернется домой. Я уделала его. Я справилась. А значит, я смогу многое! Я не выбирала край света, чтобы спрятаться. Но считала, что лучше нам лишний раз глаза не мозолить друг другу. Я знала: он не будет искать. Потому что трус. Человек, который бьет слабого и беспомощного. Который по миллиметру вытаскивает из своей жертвы хребет, чтобы у нее не было сил сопротивляться. Трус. Самый жалкий трус.

В памяти всплыло письмо, которое я ему оставила:

«Дорогой Павел. Я очень благодарна тебе за годы нашей совместной жизни. Они не были чудесными, но что-то хорошее в них все-таки было. Может, моя любовь.

Я прошу тебя не препятствовать разводу. Не искать меня и не пакостить. Я знаю, что твоя любовь сильнее ненависти ко мне. Но если ты вдруг начнешь в этом сомневаться, то фотографии и видео, которые ты найдешь на флешке, помогут тебе остыть. Ты понимаешь, что я не смогла бы органи-

зовать все одна. У меня много сообщников. Слишком много. Они знают все.

И копии этих фотографий и видео у них есть. Как только ты причинишь мне хоть какой-нибудь вред или со мной что-нибудь случится, фото станут достоянием общественности. Первая, кто их получит – твоя мама. А второй – шеф. В интернете тоже найдутся желающие увидеть тебя таким. Прощай».

На флешке было видео с нарезкой, где Павел издевается надо мной и сцена последней драки.

Фото... Про фото надо сказать отдельно. Идея пришла нам после слабительного чая. Она была невероятно преступной и невозможной по смелости. Поэтому мы взялись за ее осуществление с азартом и огоньком. Я, тетя Люся и дядя Ваня.

Все, что нам понадобилось – это пузырек снотворного (его одолжила соседка) и несколько атрибутов. А именно – пара кожаных ремешков, ошейник, наручники с мехом и дядя Ваня в кожаных трусах и маске, готовый отыграть свою фотороль.

Снимки получились эпическими.

Хотелось бы мне лицезреть лицо Павла в тот момент, когда он их увидел и рассмотрел детально. Но это слишком неоправданный риск. Поэтому я решила, что буду фантазировать. В самые тяжелые минуты своей жизни буду вспоминать и додумывать, докручивать и получать от этого удоволь-

ствие. Ведь я смогла. У меня получилось. Быть не жертвой.
Спастиь.

Часть 2. Девочки

3 года спустя

Глава 5

Редактор разнес ее в пух и прах.

– Алена, это недостоверно. Строчки мертвые, в них нет воздуха, нет смысла. Я не понимаю, что с вами происходит?

Она смотрела на него почти с ненавистью. Этот мужик ее достал. Он критиковал все, что она ему присылала. Придирался к каждому выстраданному слову. И главное – не верил. Ни ей, ни в то, что она писатель. Он с самого начала смотрел на нее свысока. «Выскачка, блогер, ничтожество», – вот, что он о ней думал, когда получал ее писульки по почте.

Конечно, она не заканчивала филфаков, никогда не зачитывалась Буниным, зато не брезговала книжками в мягких ярких обложках. Она была графоманом и дилетантом. В глазах великих определенно была обычной фасолинкой. Но для других, обычных читателей, – человеком, пережившим глубокую травму и написавшим книгу, опираясь на свой собственный опыт. Человеком, которого стали читать. С удовольствием. С упоением. Ее книга разлетелась по разным уголкам планеты, вызывая восторженные отзывы читателей и совсем не восторженные – критиков. К числу таких относился и он, ее мужественный редактор, через которого прошли десятки знаменитых писателей. Прошли. А она все никак не могла втиснуться в его рамки.

Он продолжал раскладывать свои замечания по полочкам,

а Алена слушала молча. Она умела молчать, когда на нее поднимают голос, умела становиться невидимкой, маленьким пятнышком бульона на блузке. Вот как она себя ощущала. Что-то маленькое и раздражающее. Хотелось быстрее убежать в свою уютную квартирку и покрепче закрыть дверь. Лишь бы подальше от этого мужика с хорошими манерами и таким отвратительно тихим голосом.

Он закончил и выдохнул:

– Я вам предлагаю переписать. Я там выделил фрагменты. Их надо доработать. А некоторые просто вычеркнуть и забыть.

Алена кивнула. У нее не было сил спорить или отстаивать свои позиции, поэтому она собрала все бумажки в сумку и вышла.

Она услышала, как Денис вздохнул и защелкал клавиатурой. Видимо, ему предстояло еще много работы.

***

Алена брела в сторону дома. В последнее время ее настроение валялось где-то под ногами. И она шла и пинала его, как старую шишку, подальше от себя. Ничего не хотелось. Она выдохлась. Еще совсем недавно ее жизнь была полна событий, о которых можно было снимать кино. Ушла от мужа-тирана. Да не просто ушла, а собрав на него компромат с помощью своих соседей. Издала первую и успешную кни-

гу, которая понравилась сотням женщин и вызвала шквал эмоций у читателей. Потом на эмоциях написала вторую. О том, что жизнь продолжается. Это была не просто книга, а ее собственный кислород. Воздух, с которым ей хотелось щедро делиться, вкладывая в каждую букву побольше. О том, как начинать жизнь с нуля, как не бояться развода. И как бывает хорошо наедине с собой, в любви к себе. И вышло ведь. Она стала известной. Ею заинтересовалось крупное издательство, она подписала контракт. И на этом силы кончились. Она сама, ей казалось, закончилась: как сдутый шарик, от которого осталось только растянутое нечто. Уродство и пустота. Никакого вдохновения.

Она пыталась что-то такое писать, но редактор заворачивал ее попытки, не жалея слов. Он был груб и заносчив, даже своим тихим голосом он умел разнести ее так, что желание писать пропадало напрочь. Она знала, что не сможет его победить, кишка тонка. Он – важная персона, а она так, писака какая-то. Ей не хотелось воевать, доказывая свое право на жизнь, творчество, на что угодно. Она просто хотела заниматься тем, что ей по-настоящему нравилось. Писать. Но просто не получалось.

Алена подошла к подъезду, открыла дверь ключом и поплелась вверх. В подъезде ее застал телефонный звонок.

– Алэн, я приеду сейчас, не уходи, – звонила ее подруга, Аня.

– Да я и не собираюсь никуда, – вяло ответила Алена.

Она зашла в квартиру, скинула туфли без каблука, сумку, из которой тут же вывалились ее бумажки с записями. Она не стала их собирать. Прошла на кухню и включила чайник. В дверь позвонили.

Аня ворвалась в квартиру и плюхнулась на пуфик, стоявший в прихожей. Она была измотана. Мешки под глазами, опухшее лицо, местами потекшая тушь. Было видно, что она расстроена, очень расстроена.

– Что случилось? – спросила Алена с тревогой.

– Мне конец, я такая дура, – сказала подруга и разрыдалась.

Алена помогла снять Ане туфли и проводила ее в ванную комнату. Пока подруга всхлипывала и умывалась, она налила себе кофе и мятный чай для Ани. Пошарила в холодильнике и собрала бутерброды. Холодильник был почти пуст. После того, как она провела свои лучшие годы на кухне в попытках удивить мужа кулинарными шедеврами, она больше не хотела заниматься этим. Не было вдохновения.

Аня зашла на кухню и плюхнулась на стул.

– Ты давай чай выпей, с бутербродом, – сказала Алена. – Это, конечно, не еда, но хоть что-то.

– Какой чай? Какие бутерброды? У меня жизнь рухнула, – прошептала Аня.

– Что-то с ребенком? – голос у Алены дрогнул, когда она перевела взгляд на почти плоский живот подруги. Алена знала, что плоский он ненадолго. Также она знала, что ее муж

был отчаянным говнюком, потому что когда узнал о беременности подруги, устроил представление в трех актах. И настаивал на «решении этой проблемы». Аня проблему решать не собиралась. Она хотела стать мамой.

– С ребенком все в порядке. А вот Вадим ушел. Представляешь? Собрал свой чемодан и отправился к маме, пока я не улажу вопрос с беременностью. В смысле, пока на аборт не схожу.

– А ты?

– А я порезала его трусы маникюрными ножницами.

– Что ты сделала? – прыснула от неожиданности Алена.

– Трусы его изрезала. И носки. Штаны было жалко, они же дороговизне. А вот трусы и носки купит.

Алена захохотала. Она знала, что подруга имеет характер своенравный и волевой. За это ее и любила. В Анне было все, чего ей так не хватало. Сила, уверенность в своих решениях, выдержка. И доля здорового сумасшествия, которое иногда необходимо, чтобы продержаться в трудную минуту. Муж уехал к маме, а она трусы его порезала полосками.

– И что ты будешь делать дальше? Сошьешь лоскутное одеялко?

– Ага, приданное для малыша из остатков папашиной чести, – захихикала подруга. А потом спокойно продолжила: – Я буду рожать. Пусть идет лесом. Предатель.

Алена кивнула, соглашаясь с ее решением.

– А чего вся зареванная тогда?

– Люблю его, козла. И как жить без него, не знаю, – сказала она и заплакала.

– Так, давай чай пей. А я, если не возражаешь, налью себе чего-нибудь покрепче.

– Он сказал мне, что я забиваю гвоздь в крышку от гроба с его жизнью. Что у нас и так проблем выше крыши, и ребенок эти проблемы только усугубит. А я такое натворила, Аленка. Я просто дура.

– Какое ты натворила? Рассказывай, – вздохнула Алена и налила себе в бокал вина.

– Он сказал мне, что со мной скучно. Что я бревно во всех смыслах. А теперь стану беременным бревном. Что он молод и хочет много всего попробовать, а не сидеть в грязных пеленках. Кучу гадостей мне наговорил. А я, вместо того чтобы паршивца гнать из дома пинками, слезами умылась и полезла читать, как сохранить отношения. Понимаешь?

– Пока не очень. Не вижу в этом ничего трагичного. Ты пыталась сохранить семью.

– Это ты не видишь. А я начиталась, достала белье, вино дорожущее с ведерком льда, купила шелковые простыни. Думаю, будем отношения спасать. Покажу ему не бревно во всех ракурсах. Пусть рыдает от того, какая я у него горячая женщина. Свечи зажгла. Приготовила ужин. Он пришел, увидел меня в чулках и комбинации. Вроде как заинтересовался. Поел, попил с удовольствием, гаденыш. Дал мне выступить в роли идеальной любовницы. Уж я-то старалась, –

Аня перешла на вой. – Думала, что все наладится. Что я справлюсь со всеми трудностями. А он вроде не отказывался. Пользовался на полную катушку, получил весь спектр удовольствий. Но потом встал, оделся, собрал остатки вещей в чемодан и к маме поехал. Понимаешь? К маме. Я так старалась, а он ушел. Не передумал.

Аня уронила голову на стол и зарыдала.

Алена смотрела на подругу и понимала все чувства, которые та испытывает. Молча подошла к ней и обняла. Ей хотелось прибить этого ее придурка, который не понимает, от какого счастья отказывается.

– Ты справишься, дорогая, справишься. И зря ты на трусах остановилась. Надо было и штаны не жалеть. Я бы точно не пожалела. Изрезала бы все к чертям и сожгла.

Аня посмотрела на подругу и улыбнулась сквозь потоки слез:

– Надо было, но так жалко стало вещи. Ведь почти все вместе покупали. Я выбирала.

Они пили и ели молча. Алена перебирала внутри себя все слова, которые могла бы подарить подруге. Но ничего путевого в голову не приходило. Анин мужик всегда бесил ее, но в чужие отношения она не лезла, потому что сама удачным опытом похвастать не могла. Ее распирало от гнева, но кидаться им в подругу не хотелось. Кто знает, что у Ани на уме. У них будет ребенок, а значит, им придется как-то договариваться между собой. Кто знает, может, договорятся еще и

будут жить счастливо. Так что со словами она решила быть аккуратнее. Хотя умом понимала: от таких, как Вадим, надо держаться подальше. Ее Павел был, конечно, рангом повыше в своей гадости. Но Анин мужчина недалеко ушел. Со временем, возможно, составит достойную конкуренцию.

– А у тебя что? – перебила Аня ее мрачные размышления.

– У меня все нормально. Ну почти.

– Что-то ты кислая такая. Как там книга твоя. Пишешь?

– Пока не очень, – вяло ответила Алена.

– А что так?

– Редактор говнюк. Или я фиговый писака. Вдохновения совсем нет. Или как там нужно говорить? Короче, не хочется совсем. Хочется под одеяло и спать. А не ходить на встречи с этим мужланом.

И Алена рассказала подруге о своих переживаниях. Та слушала молча, а потом изрекла:

– Жаль, мы ему ничего порезать не можем.

– Жаль. Я бы прошлась по его галстуку, – сказала Алена и улыбнулась.

***

Когда Алена убегала от мужа, она позвонила бывшей однокласснице, подруге, с которой в школе они были «не разлей вода», а потом разъехались по своим институтам. Первое время они поддерживали связь, становясь все дальше и

дальше друг от друга, а потом, благодаря стараниям супруга Алены, и вовсе потерялись.

Алена не знала, почему именно Аню захотела найти. Почему именно бывшей однокласснице она рассказала о своих проблемах. Не все рассказала, только совсем чуть-чуть. Обрывочно: «муж засранец, надо бы где-то затеряться». Ей было стыдно признаться, что она, отличница и умница, дошла до того, что муж ее бьет, а она бежит от него среди ночи. Аня и не требовала объяснений. Она просто сказала: «Приезжай» и назвала свой адрес.

В Ане всегда был какой-то особый стержень. С ней не было страшно, она умела найти нужные слова и никогда не докапывалась, кто виноват. Для нее это не имело значения. Если что-то случилось, то она первым делом думала, что делать, как помочь. С детства была такой, поэтому притягивала к себе людей, располагала их. Она не была красавицей в общепринятом понятии – невысокая, округлая. Про нее можно было сказать «простоватая», пока не начнешь с ней общаться. С первых минут ее общества приходило понимание, что она невероятная.

Когда Алена стала готовиться к побегу, она заранее нашла Анин телефон и позвонила ей, особо не надеясь на чудо. Но чудо произошло.

Аня сразу предложила Алене затеряться в ее городе, в ее квартире. Она помогла ей устроиться на новом месте.

Первое время подруги жили вместе в небольшой съемной

квартирке. Они прекрасно наладили быт и получали абсолютное удовольствие от сожительства, не мешая друг другу. Аня работала и каждый день утром уходила, а вечером возвращалась домой. Алена работала на их общей кухне. Она продолжала писать статьи на заказ, потом завела блог в Инстаграме, а позже и на других площадках. Когда ей стали говорить о том, что с ее талантами ей бы книгу писать, Алена решилась. А почему, собственно и не написать? Тем более опыт у нее был – тот самый, с которым хотелось поделиться, чтобы хоть кому-то помочь. И у нее получилось. Потом она справилась и со вторым романом, да так бодро и легко, что сама не поверила. Она так много читала о том, что писатели годами пишут свои произведения. Ее вторая книга написана за несколько месяцев. И именно вторая принесла ей контракт с издательством.

В это время Аня познакомилась со своим Вадимом и решила жить вместе с ним. Они достаточно быстро съехались и составили счастливую пару. Тогда Алена осталась одна, но она уже крепко стояла на ногах. И одиночество тоже приносило удовольствие. Независимость, одиночество и творчество – впервые она жила так, как сама хотела, как чувствовала.

Ее книги приносили небольшой доход, она писала статьи на заказ и вела несколько блогов, быстрыми темпами наращивая популярность. В общем, устроилась на новом месте как нельзя лучше. Ей даже из дома не требовалось выходить,

чтоб заработать денег. И это Алену, ставшую натуральным интровертом, вполне устраивало.

Аня влюбилась по-настоящему. Алена помнила, как подруга сияла при одном только упоминании имени Вадима. Что было в Анне – так это безумная чувственность и эмоциональность. Она не умела скрывать свои чувства. И, видимо, от этого и страдала. Алена сразу поняла, что подруга утопает в собственной любви, а ее Вадим плавает где-то на поверхности. Нет, он не был плохим. Он работал, хорошо зарабатывал, красиво ухаживал за Аней, дарил ей подарки, водил в рестораны. Но это все было красивым, но показным, не требующим от него особых жертв или усилий. Кроме денежных. Когда Ане нужна была какая-то реальная помощь, он всегда был занят. Так, когда подруга загремела в больницу с воспалением легких, он как-то резко уехал в командировку. А через день Алена увидела его в магазине. Вадим накладывал в свою тележку всякие разносолы и вкусности, там даже бутылка вина лежала. Она сразу подумала, что это для Ани и подошла к нему, улыбаясь. Вадим замялся и объяснил, что собирается в дорогу. «И вообще, не люблю я все эти больницы», – закончил он, а Алена впервые захотела воспользоваться своим старым дружком-шокером и долбануть этого козлина покрепче. Она знала, как Аня по нему скучает и ждет.

Вадим слал Ане букеты с записками и звонил. Но так ни разу и не пришел ее навестить. Хотя мог. Точно мог.

Алена пыталась намекнуть подруге, что та выбрала явно не того принца, но Аня никого не слушала. Она наслаждалась любовью, ныряя с головой в свои чувства, и теперь гребла эту самую любовь полной ложкой.

Глава 6

«Это никуда не годится. Вы пишете о любви, об отношениях между мужчиной и женщиной. Но это больше похоже не на роман, а на статью для научного журнала.

Вот тут: «он понюхал ее волосы и улыбнулся».

У вас герой – маньяк?

Что смешного в ее волосах?

Вся сцена их объяснений выглядит плоско и неуверенно.

Она не о любви, однозначно.

Почитайте классиков. Соберите истории, спросите подруг, опирайтесь на собственный опыт, но пишите сочно. Так, чтобы женщины, читая ваш роман, обливались слезами и воспоминаниями.

Сейчас обливаюсь слезами я.

С уважением, Денис Круглов».

Алена закрыла ненавистное письмо и тяжело вздохнула.

Ответить редактору было нечего. Опять он давил на больное место и был прав в своих выводах.

Она взялась за роман о неземной любви, но от одного вида влюбленных подсознание выдавало сигнал – это обман. Все обман. Сейчас мужчина и женщина влюблены, единым целым выглядят, а потом он вытащит из нее хребет, а плоть использует в качестве одеяла. Она знала, она это проходила. А сейчас видела, как ее подруга испытывает боль и разо-

чарование в своих чувствах. Сперва была любовь до гроба, а потом он говорит: «давай, избавь меня от проблем с этой беременностью». И ведь у нее с Павлом было точно также. Ребенок, которого они так хотели... А оказалось, что хотела только она, а он травил ее материнство гормонами без ее ведома. А потом и вовсе слетел с катушек. Вот такая она, любовь, отпечаталась у Алены на сердце.

Алена уселась за ноутбук и уставилась на черный экран. Она думала о том, что пора искать другую работу. Ее тошнило от клавиатуры, а в голове вместо романа были мысли о подруге. Накануне они долго сидели и обсуждали, как Ане выбраться из ямы, в которой она оказалась, что делать с Вадимом и его нежеланием иметь детей. Самое ужасное, что подруга любила это чудовище. И это было не чувство, а каленое железо, яд.

Алена пробудила компьютер движением мыши и набрала: «Он понюхал ее волосы и подумал, что выйдет неплохой парик».

Стерла.

Набрала:

«Он понюхал ее волосы и решил, что украдет ее шампунь».

Может, и правда, ей стоило писать детектив?

Она отложила ноутбук, взяла телефон и позвонила подруге:

– Ну как ты? – спросила Алена

– Держусь, – ответила Аня.

– Вадим не звонил?

– Нет, сидит у мамы. Даже СМС не пишет. Игнорирует.

– А что его мать думает? Ты не в курсе?

– А что она может думать? Ее Вадюша самый лучший ребенок на свете. Если он говорит, что нам дети не нужны, значит, нам дети не нужны. Я думаю, она сейчас ликует. Ей лишь бы от меня поскорее избавиться. Я же порчу ей всю родословную.

– Да уж, умудрилась ты вляпаться в семейку, – разочарованно произнесла Алена.

– Ладно, Аленка. Пошла я работать. Мне сейчас надо думать над более прозаичными вопросами. Например, что мы будем есть с сыном, когда его папка нас оставит.

– Сыном?

– Ну почему-то я так думаю. Сыном. Об этом приятно думать. Слово-то какое... Сын. Теплое и очень родное.

– Ты знаешь, я тебе всегда помогу. Ты всегда можешь на меня рассчитывать, я тебя не брошу.

– Знаю. Но ты давай себе помоги пока. Тоже не из фарфоровых чашек заварное кофе пьешь. А бурду свою растворимую. И ешь тоже всякую чушь бесполезную. Совсем от тебя скелет остался. А на бутерброды твои смотреть тошно. Хлеб один и ешь.

Алена вздохнула. Подруга была права. В ее кошельке на сегодняшний день было негусто. И книга не писалась. Со-

всем.

«Он понюхал ее волосы и упал замертво».

***

Вадим сидел на небольшой, но хорошо обставленной кухне у мамы и пил чай с пирожками. Настроение у него было отвратительное, все раздражало. Особенно мать, которая крутилась над ним со своими советами и прочим кудахта-ньем.

– Ничего, сынок, она одумается, – говорила пожилая женщина в просторном домашнем платье в цветочек. Она суе-тилась с приборами, тарелками и едой, накладывая то одно, то другое, чтобы порадовать взрослого сына.

– Угу, – промычал он и громко отхлебнул из своей детской чашки с котиком.

Вадим был спокоен в своей стратегии с Аней и абсолютно уверен в решении уехать. Он знал, что Анька его любит и сломается. Ну не сможет она без него. Она все всегда делала так, как он хотел, так что и сейчас немного поломается и в конечном итоге отложит детей на потом. Ему еще не хотелось связывать себя такими жесткими обязательствами. А мысли, что Аня превратится в толстую бабу с мерзким взрыв-ным характером и при этом не будет уделять ему должного внимания, вызывали у него изжогу. Нет, он не готов к таким переменам. Не сейчас. Когда он переживает лучшее время

своей жизни, расцвет, когда есть и работа, и возможности, и здоровье. Все для того, чтобы жить счастливой жизнью для себя.

Вадим чувствовал, что находится на пике и наслаждался.

Он не писал и не звонил Ане. Действовал четко по плану, который ему порекомендовали на одном известном антибабском мужском форуме, где он со студенческих времен нашел себе друзей и поддержку во многих делах. Он был там завсегдаем, как и многие его товарищи. Настоящее мужское братство, в котором решались разные проблемы, но в основном разговор шел об отношениях с женщинами. Мужики советовали: «Хочешь сломить бабу, действуй по инструкции "сближение-отдаление". Но перед этим обязательная и полная изоляция, так называемый санчас. Никаких звонков и смс. Полный игнор, пусть она занервничает». Такая схема всегда работала лучше всего. Поэтому он ее и придерживался с уверенностью.

Хотя позвонить хотелось. Он скучал по ней, последняя ночь произвела на него неизгладимое впечатление. Он еще никогда не испытывал такой феерии чувств. И ему стоило огромных усилий встать и уйти от нее молча. Ох, если бы она все время была такой, а не только тогда, когда он собрался с вещами на выход! Но он понимал, что коварство женщин не знает границ. У Ани сильно пригорало от происходящего, от того, что она может его потерять. Вот она и старалась, делала все для него. И это все вписывалось в его план.

Он знал, что на правильном пути. Еще чуть-чуть, и Аня будет есть у него прямо с рук, облизывая его пальцы. Надо просто подождать. Как говорил его дружок с форума, приручить бабу – дело не сложное. Главное – не отступить, не проявлять слабость. Только прогнешься один раз – потом будешь, не разгибая спины, ползать перед ней.

– Сынок, ты знаешь, я тут думала. Я ведь могла бы вам помочь с малышом. Я сама его воспитаю. Мне уже хочется внуков, правда, – мама сказала это очень тихо, но он услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.